

такомъ случаѣ—да, все могло бы кончиться пріятно и плоско. Но Толстой не Чернышевскій: изъ плоскости онъ сдѣлалъ глубину, изъ анекдота—трагедію. Не только противъ жизни, но и противъ смерти согрѣшилъ Федя: тѣмъ, что онъ разыгралъ съ нею водевиль—буквально, водевиль съ переодѣваніемъ. Нельзя играть ни въ смерть, ни въ любовь: за игру въ любовь, за легкое отношеніе къ дьяволу, позналъ смерть Иртеневъ. Федя думалъ ограничиться подмѣной; онъ надѣлъ на себя только маску смерти, онъ притворился мертвымъ,—за это онъ умеръ всаправду, разрядилъ-таки на себѣ револьверъ, изъ живого трупа сдѣлался трупъ мертвый. Нельзя играть въ могилу,—мало одного обряда смерти: нужна смерть реальная. Такъ у Феде и жизнь, и смерть—обѣ взяли свое: жизнь не захотѣла быть анекдотомъ, смерть не захотѣла быть маскарадомъ. И замѣчательно, что послѣ того какъ въ союзѣ Лизы и Каренина все, повидимому, устроилось и казавшееся неразрѣшимымъ вдругъ какъ будто „разрѣшилось“,—замѣчательно, что и послѣ этого внимательный читатель можетъ въ новой семьѣ подмѣтить прежнюю дисгармонію: не чувствуется ли ревность Каренина къ прошлому Лизы, къ трупу, къ живому трупу Феде, не всплываетъ ли изъ глубины успокоившихся душъ новая скорбь и новая драма, не начинается ли опять какая-то мучительная спираль, трагическая канитель существованія? Ибо суррогатъ смерти и суррогатъ